

ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

Белая мышь

РАССКАЗ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Однажды днем, когда наши соседи, пенсионеры Гопшинские, ушли в кино, ко мне прибежал мой приятель Генка с двумя клюшками и шайбой.

— Давай потренируемся, — сказал он. — Такого коридора, как у вас, нигде больше нет. И линолеум, точно лед. А на дворе тает.

— Только поосторожней, — немного подумав, согласился я, потому что мне уже не раз попадало за игру в коридоре.

Сам я ни с кем из соседей нашей коммунальной квартиры не ссорился. Зато соседи ссорились из-за меня и подолгу не разговаривали друг с другом. При этом некоторые были за меня, а некоторые, в том числе и отец, против...

Генка скользил для разминки по линолеуму, как на коньках, а я надел старое зимнее пальто отца, достал из чулана чьи-то огромные валенки и встал с клюшкой в «ворота» — перед дверью Гопшинских.

— Тело твое защищено, а лицо нет, — сказал Генка. — Вдруг я в нос тебе попаду или в глаз? Разговоров не оберешься. Нужно маску какую-нибудь.

— Так она уже есть! — сказал я, побежал в комнату и достал из ящика с елочными игрушками старую маску льва.

— Вот и стой в воротах, как лев, — сказал Генка, крепко завязав тесемки на моем затылке, и приготовился к броску.

Он от самой входной двери скользил по линолеуму, финтил клюшкой и делал броски не хуже Альметова. А я отбивал шайбу

клюшкой и бросался под ноги Генке, как Коноваленко.

Потом мы носились как бешеные по коридору, боролись на полу, от стука клюшек я слегка оглох, и вышло так, что мы с Генкой одновременно ударили друг друга клюшками по ногам. Тут мы завопили в один голос от боли.

В этот момент щелкнул замок, и в дверях показались Гопшинские, вернувшиеся из короткометражки.

Казимир Иванович и Марта Адамовна смотрели на нас, ничего не понимая и прикрыв ладонями рты.

Я заметил, что лампочка в коридоре горит тускло-тускло из-за поднятой нами пыли.

Генка быстро опомнился и юркнул в дверь.

— Что вы делали? — сипло крикнул Казимир Иванович.

Я посмотрел по сторонам и ужаснулся от того, что мы наделали с Генкой за несколько периодов. Один плинтус совсем оторвался от стенки и треснул. Исцарапанный клюшками и шайбой линолеум был белым, как лед, от упавших со стен и потолка кусочков побелки.

— Я уверен, что в тебе живет дух разрушения, — сказал, чихнув, Казимир Иванович, — а духа созидания в тебе нет. Ты маленький Аттила!

— Пусть все остается, как есть! И не смей убирать! Пусть вся квартира полюбуется на дела твоих рук и ног! — добавила Марта Адамовна.

Я вздохнул, ушел в свою комнату, не вступив в пререкания с соседом, улегся на диван, приложил к шишке на лбу электрический утюг и уныло стал ждать, когда придут с работы мой отец, и мама, и повариха тетя Леля, и кузнец дядя Вася, и их дочка студентка Вика.

«Да, это моя очередная, причем большая ошибка», — подумал я, достав тетрадь со списком своих ошибок. Завести ее для меня посоветовали отцу соседи.

И все-таки в тетрадке больше интересных ошибок, чем неинтересных. И потом, разве это ошибка, когда я прыгнул с двумя зонтиками со второго этажа и неудачно приземлился на спину прохожего? С этого самолеты начали изобретать и парашюты. Без таких ошибок нельзя. А вот бачок в уборной можно было и не разбирать. Это, конечно, самая настоящая ошибка. Но почему я маленький Аттила? И как узнать, когда собираешься что-нибудь сделать, ошибка это будет или нет? Наверно, нужно заранее придумать ошибки. Штук пять хотя бы. И тогда будет ясно, чего не следует делать. И в квартире будет спокойно...

Так я решил и составил на ближайшую неделю список ошибок, которые мне очень хотелось совершить и на которых можно было бы учиться:

1. Отвести от газовой плиты шланг для

горелки и попробовать выдувать приборы, как у химиков.

2. Побрить кактус. Может, иголки будут длиннее.

3. Попытаться оживить в ванне килограмм замороженной наваги.

4. Или достать лягушку, посадить в морозильник, а потом оживить в ванне.

5. Поймать скворца и научить его говорить.

«Хватит!» — подумал я.

Первым пришел с работы мой отец и сразу закричал:

— Встать! Не притворяйся! Я тебя заставляю сделать ремонт в коридоре! Марш на кухню!

Я, прихрамывая, поплелся на кухню, где должен был стоя ждать сбора всех соседей для разбирательства моего дела.

Наконец и Гопшинские, и Анна Сергеевна, и дядя Вася уселись на табуретки, тетя Леля с Викой принялись за чистку картошки, а мой отец заходил из угла в угол.

«Придется постоять с больной коленкой. Не могут уж заказать столяру скамью подсудимых», — подумал я.

Сначала все молчали. Потом взял слово Казимир Иванович. Он всегда был моим обвинителем.

— Дело не в плинтусе, — сказал он, — а...

— В свинтусе, — перебила его Вика.

— Я хочу сказать, — продолжал Казимир Иванович, — что человеку нужно учиться жить в коллективе! Возьмем меня. Что будет, если мы с Мартой начнем играть в коридоре в крокет? Или в городки? А?

— Вы не ребенок! — отрезала Анна Сергеевна, которая была за меня.

— Мы уже несколько раз ставили вопрос о воспитании нашего жильца Мити. Лично для меня коммунальная квартира была большой школой. А вы посмотрите на линолеум! Прямо дух разрушения! — сказал Казимир Иванович.

— Все это ерунда по сравнению с детством. Оно у человека одно! — задрожавшим голосом сказала Анна Сергеевна.

— Заставить его вымыть пол — и дело с концом, — предложил дядя Вася. — На ошибках учатся.

— Принеси сюда тетрадь своих ошибок! — приказал мне отец. Он считал, что меня должна воспитывать вся квартира.

Я пошел за тетрадью моих ошибок, и, когда вернулся на кухню, спор из-за меня был в разгаре.

— Правда, — сказал я. — Как мне учить-

се на ошибках, когда они не повторяются, а, наоборот, появляются все новые и новые!

— Нужно не допускать новых ошибок! Нужно думать перед тем, как сделать какой-нибудь шаг,— сказал отец.

— Вот я сегодня записал пять шагов и теперь их обдумываю,— сказал я, отдавая отцу список.

Он прочитал его вслух и тихо удивился:

— Может, и правда в тебе живет дух разрушения? Ты только попробуй подойти к газу и побрить кактус!

— И не смей кидать в ванну навагу! — сказала тетя Леля. — Она будет пахнуть!

— Живодер! Лягушку — в морозильник! — добавила Вика.

— Ну, положим, это не живодерство, а опыт! — неожиданно вступился за меня Казимир Иванович.

— А скворца можно мне поучить говорить? — спросил я.

Тут в кухню вбежала мама и стала доказывать, что некоторые ненавидят меня с первого дня рождения.

«Начинается...» — подумал я.

— О нет, вы ошибаетесь! — возразил Казимир Иванович. — Я только стою за искоренение в человеке духа разрушения и за воспитание духа созидания. Вы знаете, что может быть с ним дальше?

— Что? Что? — любопытствовал мой отец, а мама сказала:

— Митя, выйди из кухни, закрой дверь, не подслушивай и займись уборкой.

Меня всегда выгоняли из кухни перед самыми интересными разговорами.

Я замел в уголок кусочки штукатурки,

протер мокрой тряпкой линолеум и подумал: «А вдруг и вправду во мне живет дух разрушения?»

Тут мама выбежала из кухни со слезами на глазах и сказала:

— У вас у всех нет сердца!

— А если тебе завести тетрадь ошибок, она будет в тысячу раз толще, чем Митина! — закричала тетя Леля на дядю Васю.

Мой отец прошел мимо меня, скрипнув зубами.

— Ты поссорил меня с мамой!

Марта Адамовна сказала всем:

— Стыдно! Мы должны жить так же дружно, как братья Адольф и Михаил Готлибы.

Она всегда приводила в пример этих двух братьев, игравших зачем-то на одном рояле и часто выступавших по радио.

В общем, мне стало ясно, что все окончательно рассорились. Я, проклиная Генку и себя, записал содержание моей новой ошибки в тетрадь и от скуки перечитал ее перед сном.

Ночью мне приснилось, как братья Адольф и Михаил Готлибы поругались из-за рояля и разрезали его на равные половинки пилой, чтобы никогда больше не выступать вместе по радио.

Моя мама не разговаривала с отцом уже три дня. Остальные поссорившиеся соседи не здоровались по утрам друг с другом и вели себя тихо и мрачно. А я старался не попадаться им на глаза.

В воскресенье часа в три дня мой отец и дядя Вася ходили по коридору, курили и не говорили, как обычно, про футбол.

Вдруг зазвенел звонок.

Я открыл дверь и увидел Лилу, которая год назад ставила в нашей квартире мышеловки. И сейчас в ее руках было четыре мышеловки.

А год назад мы с Генкой решили тайно уйти летом в турпоход по Якутии, чтобы открыть месторождение алмазов, и начали копить продукты.

Я сделал в чулане тайник и прятал в него кусочки сала, копченой колбасы, хрустящие хлебцы, сахар и конфеты. И у нас в квартире неожиданно завелись мыши.

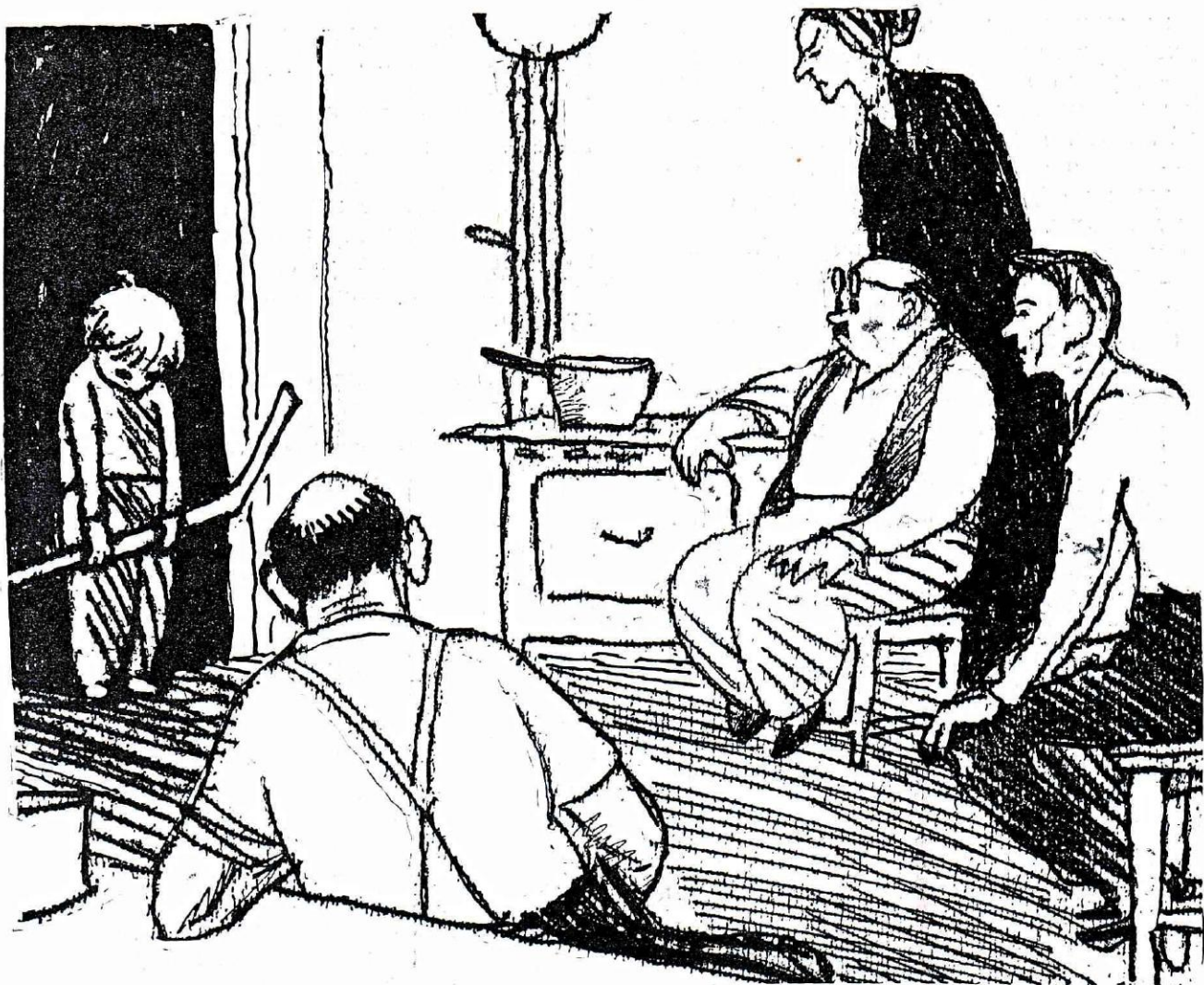
Меня, конечно, разоблачили, а мышей вывели при помощи химии. С тех пор из-за моей ошибки наша квартира была на учете.

— У нас же нет больше мышей, — сказал я Лиле.

— Все равно контрольная проверка. Сам виноват, — ответила Лилия, расставила две

мышеловки в чулане, две на кухне и ушла, пообещав навестить через три дня.

В понедельник утром я заметил, что все соседи с интересом осматривают мышеловки.

«По-моему,— решил я,— им хочется, чтобы поймалась хоть одна мышка. Это им нужно для зацепки, чтобы примириться...»

— Странно... пусты... очень странно,— сказал Казимир Иванович.

— Ведь мышки совсем не вредны,— заметила Анна Сергеевна.

— Безобидные существа,— добавил мой отец.— Но только не тогда, когда их много.— Он посмотрел на меня одним из своих самых страшных взглядов.

На этом разговор закончился. Все притихло и снова помрачнели.

«Непонятные люди, эти взрослые,— подумал я.— То ругают меня за мышей, то жалеют, что они не ловятся... Но уж если им так хочется, я заглажу свою последнюю

ошибку и проявлю дух созидания. Я им достану мышь и докажу, что умею жить в коллективе!»

Но где можно было поймать обыкновенную мышь, я не знал и поэтому решил купить в зоомагазине белую.

И я купил белую мышь с черными глазками, с розовым носиком и с таким же розовым хвостиком. Засунул ее в боковой карман и побежал домой.

Мышь в кармане сидела смирно, и только изредка я чувствовал, как на груди у меня шевелится теплый комочек.

Но мышь лучше было подложить в мышеловку утром, для того, чтобы все соседи сразу увидели ее и разговорились.

Невозможно же в конце концов не разговаривать даже с самым страшным врагом, если вдруг увидишь белую мышь. Мы же с Генкой бываем иногда врагами и за просто миримся из-за чего-нибудь интересного...

Главное, нужно было не дать маме обнаружить мышь раньше времени.

Я проколол дырочку на крышке коробки из-под печенья «Мария», положил на дно ватку и налил в блюдечко молока. Потом пересадил мышь в длинную коробку. Она бегала по ней, как я по коридору, садилась на задние лапки, смешно умывалась и, видно, не скучала по коллективу, оставшемуся в зоомагазине.

Я закрыл коробку крышкой и надежно спрятал ее в чулане. «Скорей бы утро! Посмотрим, что будет!»

Проснулся я раньше всех, посадил мышь в старую мышеловку, которая, на мое счастье, была сделана, как клетка, осторожно опустил створку, а кусочек сыра бросил внутрь — мышке на завтрак.

Затем я улегся в кровать и стал ждать, что будет дальше. Только я задремал, как на кухне раздался страшный девчоночий визг.

Я прямо в трусиках бросился на кухню. Оказывается, первой увидела мышь Вика. Она уже опомнилась и склонилась над мышеловкой.

— Ой! Белая! О-о-ой! — завопил я во весь голос, притворившись удивленным.

И в кухне быстро собрались заспанные соседи и обступили мышеловку.

— Правда, белая!

— Поразительно!

— Она даже симпатична!

— Умывается! Умывается!

— Милая... бедненькая!

— А мне вот непонятно, — сказала Вика, — почему ее не прихлопнуло? Как это она пробралась внутрь и еще сыр с собой прихватила?

Я похолодел, но Вика засмеялась.

И вот что было странно: все получилось так, как я ожидал, а не наоборот. Все соседи весело разговорились на мышиные темы, а Казимир Иванович рассказал, какую большую роль играют мыши в науке. Он рассказал, что на белых мышах проводятся важнейшие опыты и что если мы быстро побеждаем многие микробы и вирусы, то это только благодаря белым мышам и крысам — добрым друзьям людей.

Тут я пожалел, что не купил крысу, а Анна Сергеевна, которая раньше не умела быстро мириться, принесла в кухню кота Мишку и сказала:

— Вы видели когда-нибудь Кота-веге-

тарианца? Ах, не видели? Так вот он — перед вами. Ест только молоко и овощи! Смотрите! Митя, достань мышку!

Я достал мышь и поднес ее к самому носу Мишки. Он даже не облизнулся. Только добродушно замурлыкал.

— Давайте, — сказал я, — сделаем ящик и посадим в него мышь. И пусть Мишка с ней играет. Ведь лев играет в клетке с собакой, и им весело.

— Это называется симбиоз. Дружное совместное существование, — сказал Казимир Иванович. Он разошелся и сделал маленькую лекцию о птицах, спасающих гиппопотамов от всяких насекомых, о рыбках-прилипалах, о крокодилах и других животных...

Наверно, всем нашим соседям стало неловко оттого, что кот Мишка может дружно жить с белой мышью, а они ссорятся из-за пустяков.

Когда все ушли на работу, я спросил у Казимира Ивановича:

— Мышь в мужском роде пишется «мыш» без мягкого знака?

Он засмеялся и сказал:

— А тебе не хотелось убить эту мышь? — Я даже покраснел от обиды. — Прости, что

я так подумал, — извинился Казимир Иванович, и мы первый раз в жизни как следует разговорились.

Я пообещал ему, что уничтожу в себе дух разрушения до конца, но все-таки пожалел, что нельзя побрить кактус и ожить в ванне килограмм наваги.

«Зато я научу говорить скворца!» — решил я и побежал в школу.